

СМЫСЛ КРИЗИСА В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

(размышления по поводу книги Т.В. Корниловой
и С.Д. Смирнова «Методологические основы психологии»)*

А.М. Айламазьян, В.М. Розин

Московский государственный университет
Институт философии РАН

rozinvm@mail.ru

Анализируются учебное пособие «Методологические основы психологии» Т. Корниловой и С. Смирнова, а также современная эпистемическая ситуация, сложившаяся в российской психологии (обсуждаются особенности психологической науки и практики, основные их ценности и подходы, природа эксперимента и др.). Хотя авторы пособия поднимают и обсуждают жизненно важные проблемы современной психологии, и в этом отношении рассматриваемая книга является настоящим прорывом, книга Т. Корниловой и С. Смирнова зовет нас назад, к уже во многом преодолённому и изжившему себя этапу развития психологии.

Ключевые слова: методология, естественно-научный подход, эксперимент, причинность, практика.

В рамках издательской программы «300 лучших учебников для высшей школы» в 2008 году вышла, безусловно, примечательная книга. Ее авторы нарушают принятую в психологическом образовании традицию гладкого беспроблемного рассмотрения российской психологии. Они стараются обсуждать современную эпистемологическую и общую ситуацию в психологии, которая явно новая и необычная. Судя по всему, засилье практических психологических дисциплин и подходов (методов) становится невыносимым, а значение академической психологии так упало, что грозит уже самому существованию психологии как науки. Психология распа-

лась не только на разные соперничающие между собой научные школы, а также на два направления – гуманитарную и естественно-научную психологию, но и на психологическую науку и психологическую практику, причем некоторые идеологи последней даже заявляют, что они не психологи и к психологии не имеют никакого отношения.

«Образование двух *социодигм* – психологических сообществ, занятых преимущественно академической или практической психологией, – пишут Т. Корнилова и С. Смирнов, – также является одним из проявлений этого социального аспекта современной стадии кризиса. И дело уже не в развитии когнитивных оснований науки,

* Идеи этой статьи складывались в совместном обсуждении. Но нам хотелось сохранить и голоса каждого автора. Поэтому в тексте есть комментарии Анны Айламазьян; они выделены с помощью подчеркивания. Соответственно, текст без подчеркивания несколько больше выражает позицию Вадима Розина.

а в нормализации социальной составляющей ее развития»¹.

Открытое обсуждение современной ситуации в психологии можно только приветствовать. Однако стоит отметить, что авторы книги, мягко говоря, не всегда последовательны. Часть полемики они ведут, не называя имен оппонентов (например, легко угадывается полемика с А. Пузыреем и В. Розиным). Но что это за диалог, о котором нужно догадываться между строк (другой вариант – не знаем, что хуже – Т. Корнилова и С. Смирнов сами не осознают, с кем они спорят)? Заявляя, что психология «является одновременно естественной и гуманитарной наукой»², Т. Корнилова и С. Смирнов (похоже, что больше первая) тут же утверждают, что гуманитарный подход в психологии не работает, поскольку неизвестно, что это такое. Соглашаясь, с тем, что понятие причинности, по сути, себя исчерпало, авторы книги изо всех сил пытаются его возобновить и обновить (как будто не известно – черного кобеля не отмоешь добела). Поднимая как флаг, тезис о полипарадигмальности, о необходимости признания разных направлений и школ психологической науки, по-разному трактующих психику, Т. Корнилова и С. Смирнов тут же возвращаются к обсуждению вопроса о единой общепсихологической концепции, намекая, что теория деятельности, обновленная на основе феноменологии, аналитической философии сознания, когнитивной психологии, вполне может выступить в роли общепсихологической концепции. Признавая, что эксперимент в психологии предполагает вмешательство в психику и ее трансформацию, авторы книги постоянно говорят о том, что психологический эксперимент призван раскрыть то, что в психике есть (существует), прежде всего причинно-следственные отношения.

¹ Корнилова, Т.В., Смирнов, С.А. Методологические основы психологии / Т.В. Корнилова, С.А. Смирнов. – СПб.: Питер, 2008. – С. 141.

² Там же. С. 73.

Но не будем голословны. Как например, совместить следующие утверждения авторов?

• (Что научное познание носит конструктивный характер и представляет собой всего лишь индукцию и обобщение). «С точки зрения неклассического естествознания вопрос о том, какова реальность сама по себе, лишен смысла. Познавая мир, мы конституируем его и не только обнаруживаем, но и создаем в нем такие свойства, которые до человеческой деятельности не существовали и возникают только во взаимодействии с человеком»³.

«Для построения объекта необходимо отделить его содержание, *независимое от познающего субъекта*, от формы отражения этого содержания (курсив наш. – А. А., В. Р.). Роль идеальных объектов при экспериментальной проверке гипотез всегда (и в естественно-научном познании тоже) была иной: они в качестве гипотетических конструктов опосредовали теоретическое объяснение и эмпирический факт, реализуя прорыв в обобщении, а именно задавая объяснительную часть в эмпирической гипотезе, где присутствуют измеряемые переменные и вид отношения между ними, но никак не объяснение этого отношения с содержательной точки зрения»^{4,5}.

³ Там же. С. 41, 127–128.

⁴ Там же. С. 26, 194.

⁵ Судя по всему, схема познания здесь такая. Есть объект изучения (в данном случае психика человека), научное знание об этом объекте получается в результате индукции («эмпирический факт») и обобщения. Последнее опосредовано гипотезами и построением идеальных объектов. Однако, начиная с Канта, понимание идеальных объектов науки совершенно другое. Конструируя идеальный объект, ученый приписывает объекту изучения такие свойства, которые позволяют рассуждать без противоречий и вести научное объяснение. В этом отношении идеальный объект как раз и задает объяснение «с содержательной точки зрения». Значение же переменных относится к тому, что нужно объяснить (т. е. это эмпирические знания), а не к сущности изучаемого явления.

• (Что психология представляет собой естественную и гуманитарную науку с фактическим отрицанием гуманитарного подхода). «Психология, являясь одновременно естественной и гуманитарной наукой, использует самый широкий спектр методов и процедур исследования по сравнению с любой другой наукой». «...можно сказать, что сама структура психологического знания доказывает важность сочетания естественно-научных и гуманитарных подходов в исследовании и понимании психики» [Марциновская, 2004, с. 64]⁶.

«А.В. Юревич [Юревич, 2001, с. 12] также настаивает на «утешительном для психологии» выводе, что она не имеет сколько-нибудь принципиальных отличий от естественных наук». «Важно отметить: были названы не отличия *гуманитарной парадигмы* как таковой, а отличительные особенности любой науки на этапе ее неклассического развития, связанные с отказом от классического идеала рациональности... заметим, что концепция наличия особого гуманитарного мышления сегодня очень популярна, хотя и не в силу его особых свойств (таковые не выделены), а скорее в силу выявленных ограничений естественно-научных схем объяснения»⁷.

Утверждая все это, Т. Корнилова и С. Смирнов опираются на работы российских философов науки, прежде всего школы В.С. Степина, которые стараются снять саму оппозицию «естественно-научный и гуманитарный подход»⁸. Кроме того, обосновывая свою методологическую позицию, авторы обращаются к взглядам М.К. Мамардашвили. Согласно В.С. Степину, пишут В.И. Аршинов и В.Г. Буданов, «переход современной науки к постнеклассической стадии развития создал но-

вые предпосылки формирования единой научной картины мира»⁹. Эти новые предпосылки В.С. Степин видит в становлении в современной науке «концепции глобального (универсального) эволюционизма, принципы которого позволяют единообразно описать огромное разнообразие процессов, протекающих в неживой природе, живом веществе, обществе»¹⁰. Действительно, В. Степин проводит взгляд, по которому не имеет смысла противопоставлять естественные, гуманитарные и социальные науки, что либо мы имеем дело с наукой, либо с ненаукой. А вот что пишут составители книги «Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания» Л. Киященко и П. Тищенко.

«Резко обогатив свой концептуальный аппарат, синергетика делает изоморфными, легитимно сопоставимыми, традиционно разведенные области естественно-научного и социогуманитарного знания... оставаясь всецело естественно-научной дисциплиной, синергетика смогла включить в свой понятийный потенциал те характеристики, которые в классическую эпоху выражали специфику гуманитаристики. Теперь, чтобы обеспечить собственную специфику, социогуманитарному знанию предстоит ответить на вызов синергетики»¹¹.

На наш взгляд, дело не в том, какую картину рисует исследователь, включающую, как у В. Степина, ценности, историю и личность ученого или не включающие

⁹ Степин, В.С. Теоретическое знание..., с. 642.

¹⁰ Аршинов, В.И., Буданов, В.Г. Роль синергетики в формировании новой картины мира // Вызов познанию: стратегия развития науки в современном мире / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов. – М., 2004. – С. 374.

¹¹ Киященко, Л., Тищенко, П. Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании / Л. Киященко, П. Тищенко // Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М., 2004. – С. 503.

⁶ Там же. С. 73, 118.

⁷ Там же. С. 119, 235–237.

⁸ Степин, В.С. Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М., 2000. – 743 с.

таковые, а в том, как он при этом мыслит: в одном случае он мыслит как физик, в другом как гуманитарий, в третьем – совмещающая обе мыслительные стратегии.

Опять же, это не то, о чем пишет ученый – о природе или культуре, о системах или коммуникации, а то, как он при этом мыслит и на что ориентирует свои знания в плане их дальнейшего использования. Представитель естествознания, говоря о первой природе или человеке (культуре, обществе и т. п.), ориентируется в плане использования своих знаний на практики инженерного типа, где основные задачи – *прогнозирование, расчет и управление* явлениями. Кроме того, он описывает эти явления (именно для того, чтобы решить указанные задачи) как *механизмы*, добиваясь в эксперименте *соответствия* между изучаемым феноменом и математической конструкцией, описывающей его (в результате эта конструкция становится *математической моделью*, что и позволяет на ее основе вести расчеты, прогнозирование и строить управляющие воздействия).

Гуманитарий, опять же не важно, что он описывает – психику, культуру или природу, ориентирован не на инженерию, а на уникальную гуманитарную ситуацию, например, *понимание, разрешение собственной экзистенциальной проблемы, общение по поводу какой-то проблемы* и прочее. При этом, исследуя явление, он движется одновременно в двух плоскостях: *строит идеальный объект, необходимый для разворачивания теоретического дискурса и разрешает и проживает свою уникальную гуманитарную ситуацию*. Именно второе движение является здесь ведущим в том смысле, что идеальный объект и теоретические построения в гуманитарном исследовании строятся так, чтобы можно было разрешить и прожить жизненную ситуацию, а не наоборот.

(Комментарий А. А.) Для меня наиболее ярко идея гуманитарной методологии оформлена М. Бахтиным: основной принцип гуманитарного подхода состоит в том, чтобы отнестись к Другому не как к вещи, не как к объекту, а как к субъекту, вступить в Диалог.

Поэтому требование учета ценностей исследователя не означает, что надо взять данные ценности как еще один фактор или переменную в исследовании. Речь идет о другой структуре отношений, другой позиции, которую занимает психолог, о включенности его личности и опыта в ситуацию познания.

Я бы сказала «не мыслит как физик или гуманитарий»; для меня дело обстоит глубже. Это другое существование, это разное существование. Правда, мышление можно рассматривать и как бытийную категорию, как бытие мышления в мире. Тогда становится понятно, что мышление больше, чем совокупность неких операций. Какой-то аспект мышления к этому сводится. Например, вы не знали или не умели решать задачи определенного типа. Вам объяснили или научили, вы освоили некоторые рассуждения, и изменения на операциональном уровне в итоге достигнуты. Совсем другое дело – изменить свою позицию в мире, познавательную установку. Как правило, чтобы произошла подвижка, сдвиг в сознании – иногда это сродни перевороту, тектоническим процессам в нашем мышлении, недостаточно одних формально-логических рассуждений.

Можно сказать, что естественнонаучное и гуманитарное мышления реализуют разную позицию в познании, иначе бытийствуют в мире. Не надо путать эту позицию в познании с принадлежностью к конкретной дисциплине или области знания. В знании об обществе, о человеке,

действительно, достаточно много попыток реализовать естественно-научный, объективирующий подход. Интересно, а в физике можно ли реализовать гуманитарный? Думаю, что на уровне отдельных ученых это происходило чаще, чем мы это предполагаем. Ведь вопрошание своего предмета возможно и по отношению к природе и тогда она становится Природой, Солярисом и есть вероятность, что человеку не придется вырывать у нее тайны под пытками.

«Ускорители» и мы со своим вопрошанием? Возможно, для кого-то это покажется смешным и несопоставимым. Не знаю, что легче преодолеть: глобальное потепление, экономический кризис или глобальный кризис ценностей, т. е. гуманитарную катастрофу, охватившую западный мир. Мы ускоряем не только элементарные частицы, мы ускоряем нашу жизнь, проводим ее в непрерывной спешке и погоне за ускользающей целью.

Итак, гуманитарное мышление и гуманитарное исследование не смотрят на жизнь отстраненно, из безопасного укрытия, а, наоборот, смотрят на человека заинтересованно, ответственно, являясь частью той жизни, которую стремятся и познавать, и описывать, и созидать. Парадоксальным образом те моменты, которые для естественно-научного подхода становятся криминальными, недопустимыми, сводящими на «нет» объективность исследования, при гуманитарной установке являются условием изучения той или иной психологической проблемы и психологической реальности. Не устранение (как предлагает классическая парадигма естествознания), и не учет субъектности (как предлагает неклассическая парадигма естествознания), а опора на субъектность, на субъекта, на общение, на взаимодействие с другим человеком, на преобразование сознаний этих

субъектов. Субъектность не тождественна субъективности (случайности), наоборот, первая становится условием истинности, глубины и объективности результатов исследования.

Мы убеждены, что между естественно-научным и гуманитарным подходами в онтологической плоскости нельзя навести мосты, и они никогда не сойдутся. Так, никогда не удастся свести задачи прогнозирования и управления к пониманию, законы – к индивидуальным объяснениям, природную необходимость – к свободе, любого человека – к уникальной личности. Другое дело методологическая плоскость: здесь эти подходы являются не только различными, но и для определенных задач и ситуаций, действительно, дополнительными.

И уж совсем некорректно звучат утверждения авторов книги (опять похоже только Т. Корниловой), что не показано, в чем специфика гуманитарного подхода. Особенности гуманитарного знания, методология гуманитарного подхода обосновывались и разрабатывались в ставших уже классическими работах В. Дильтея, М. Вебера, М. Бахтина, Ю. Лотмана и др., а также в работах многих отечественных и зарубежных современных авторов. Вот описание такой специфики, данное одним из авторов статьи:

«Гуманитарное познание в лучших своих образцах имеет все черты нормальной науки, а именно, *опирается на факты, отображает реальность методом конструирования идеальных объектов, если нужно, оформляется в теорию*». Это так сказать, инвариантные характеристики науки, одинаковые для естествознания и гуманитарного подхода. Специфика гуманитарной науки в другом.

Во-первых, гуманитарная наука изучает не природные явления, а такие, которые имеют отношение к человеку (самого че-

ловека, произведения искусств, культуру и прочее). Во-вторых, гуманитарные знания используются не с целью прогнозирования и управления, а для понимания или гуманитарного воздействия, например, педагогического. Конечно, и педагог стремится управлять поведением учащегося, но, если он опытный, то понимает, что помимо его влияния на учащегося не менее сильно влияют семья, улица, окружающая культура, кроме того, учащийся сам активен и его устремления могут не совпадать с педагогическими усилиями педагога. В результате воздействия педагога по своей природе скорее гуманитарные, а не инженерные. В-третьих, в гуманитарном познании ученый проводит свой взгляд на явление, отстаивает свои ценности; это не ценности прогнозирования и управления явлением, а ценности личности гуманитария, причем различные у разных ученых. В-четвертых, гуманитарное познание разворачивается в пространстве разных точек зрения и подходов, в силу чего гуманитарий вынужден позиционироваться в этом «поле», заявляя особенности своего подхода и видения. В-пятых, хотя начинается гуманитарное познание с истолкования текстов и их авторского понимания, но затем гуманитарий переходит к объяснению предложенного им истолкования, что предполагает изучение самого явления. В-шестых, гуманитарное научное познание – не только познание, но одновременно и взаимоотношение ученого и изучаемого явления. Как писал М. Бахтин: «Науки о духе, предмет – не один, а два «духа» (изучаемый и изучающий, которые не должны сливаться в один дух). Настоящим предметом является взаимоотношение и взаимодействие «духов»»¹².

Решая вопрос о соотношении естественно-научного и гуманитарного подходов, нужно учесть, что часто возникают ножницы между методологической программой учено-

го и его реальной работой – он может заявлять один подход, но работать в рамках другого. Например, Курт Левин, стремившийся построить психологию по образцу естествознания, в своих экспериментах проявляет себя скорее как гуманитарий¹³. В подобных случаях, действительно, кажется, что происходит сближение естественно-научного и гуманитарного подходов, но на самом деле фактически формируются новые, смешанные и, отчасти, эклектические стратегии научного познания. Сформулировать особенности этих новых стратегий науки еще предстоит.

Обращаясь к «конкретике», к опыту конкретно-научных, эмпирических разработок в психологии, надо отметить, что гуманитарности в данных исследованиях может оказаться больше, чем реально осознается психологами. Фактически каждое исследование больше или меньше (эксперименталь-

¹³ «Ситуация эксперимента, – пишет Б.В. Зейгарник по поводу исследований Курта Левина, – наиболее последовательно пытавшегося реализовать естественно-научный подход, – затрагивала в той или иной форме и самооценку, и критичность, и механизмы саморегуляции человека, причем выступало все это не как следствие интерпретации, не на основе анализа безусловно обоснованного метода, а столь же реально, как в жизни. Все то, о чем пишут представители других школ: ненаправляемость поведения (К. Роджерс), оживление прошлых ассоциаций, грез, мечты, ирреальный план при замещении (как у З. Фрейда) – все это происходило в экспериментах левинской школы. То, что Левин называл «полем», «психологическим пространством», было реальным отрезком жизни, в котором выявляется личность... исследование Левинным личности нацеливает на то, чтобы эксперимент заключался не в установлении какой-либо черты, особенностей восприятия, а в создании экспериментальной ситуации как взаимодействия, как общения между испытуемым и экспериментатором. Главное, чтобы он был построен так, чтобы реализовывались особенности личности испытуемого, его саморегуляции, критичности, самооценки, умения или неумения вступать в контакт с другими...» (Зейгарник Б.В. Об эксперименте в школе Курта Левина / Б.В. Зейгарник // Вест. МГУ. Сер. 14. Психология. – 1987. – С. 50–52).

¹² Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М., 1979. – С. 349.

ное, диагностическое, формирующее и др.) пронизано общением, буквально пропитано взаимодействием участников исследования, психолога и его «испытуемых». Но не меньше встречается и манипулятивности, откровенного надувательства и обмана (во имя благих целей исследования, конечно). Примеры излишни. За этим скрывается всегда явная или скрытая установка на управление человеком и содержится вера в то, что такое управление возможно. Присутствует и моральное оправдание своего права на эксперимент. Если по-серьезному признать реальность присутствия ценностей исследователя в ситуации исследования, то в каком смысле это можно учитывать? С моей точки зрения, учитывать это можно только в одном смысле – сделать выбор в пользу определенных ценностей, осознанный выбор. Нельзя сидеть на двух стульях: например, если вы морите в исследовательских целях животное голодом, вызываете у него язву экспериментальным путем и т.п., то ваш выбор уже сделан.

Но существует и обратное влияние психологических теорий на человека, его личность и сознание. Хочет того психология или не хочет, но она оказывает огромное влияние на сознание современного человека, в значительной степени определяя его цели и ценности, образцы поведения, модели воспитания, семейных отношений, стратегии образования и т.п. Психологические теории активно используются для обоснования поступков и действий. А теперь возьмем наши научные теории, например, в такой области как мотивация и эмоции. Откровенный редукционизм, примитивность и биологизм большей части этих теорий очевиден. По существу, они упраздняют мир человеческих переживаний, превращая их в некоторый эпифеномен, лишний груз. Примитивное и плоское сознание сбрасывает этот груз, удовлетворяясь упрощенным (но научным!) объяснением человеческого поведения и творит себя

по образу и подобию «примата», «крысы», «компьютера». И выход здесь также предполагает не безразлично-флегматичный учет обратного влияния результатов наших исследований на сознание людей, а выбор. Надо признать, что наши теории изначально обусловлены определенными ценностями и обуславливают видение смыслов и целей человеческого существования. Поэтому «выброс» в мир, в социальный дискурс психологического знания – это поступок, деяние, которое откликнется, вернется сотворенной психологической реальностью.

Позиция ученого становится гуманитарной, когда он начинает понимать ценностную обусловленность и действительность своего знания и делает соответствующие выборы.

Для меня чрезвычайно важна укорененность знания в опыте. Чтобы стать профессиональным психологом, надо поработать психологом, а не только освоить соответствующую литературу. Живая встреча с человеком, попытки (удачные и неудачные) решить профессиональные задачи в конкретных ситуациях исследования, психологической помощи и поддержки, обучения, коррекции и др. формируют реальные знания, учат наблюдательности и пониманию своей профессиональной позиции. Из конкретной практики и опыта, попыток решить на практике психологические задачи (обучения, воспитания, консультирования и т.п.) рождаются интересные наблюдения и гипотезы, идеи о сущности переживаний субъекта, о структуре той или иной деятельности, о психологическом наполнении действий человека в конкретных ситуациях. Гуманитарная установка предполагает описание «изнутри» ситуации и не забывает об этом. Поскольку она забывает об этом, рождаются так называемые «натурализованные» психологические описания, схемы, теории, которые дальше бытуют сами

по себе в некоем гипотетическом «психическом» пространстве.

Описание извне и изнутри – это разные формы знания, которые в конечном счете могут привести и к разным формам понимания причинности. Вообще о психологической причинности можно говорить, когда другие типы причинности (физические, биологические, непосредственно физиологические) как бы действуют вяло, освобождают место, отступают до какой-то степени в тень. Так, например, когда у человека сильно повышается температура, то степень его опосредованности и опосредствованности психологическими процессами резко снижается, зато многое в его поведении напрямую вызвано причинами физиологического порядка и т.п.

Описание изнутри ситуации, изнутри опыта дает уникальные знания, которые можно назвать свидетельствами и которые нельзя получить из внешней, невключенной в ситуацию позиции.

Теперь отношение Т. Корниловой и С. Смирнова к М. Мамардашвили. Они излагают его представления (противопоставление классического и неклассического идеалов рациональности, неустранимость зазора между миром как таковым и уже воспринятым, многомерность сознания, сочетание в человеке естественных и культурных, искусственных начал, вытекающая из этого возможность «второго рождения» человека, семиотический характер восприятия и сознания и др.) в разделе «Изменение в понимании причинности в связи с освоением марксистского наследия»¹⁴. При этом, вероятно, не понимают, что работы Мамар-

дашвили были направлены именно против того способа мышления, который пытаются удержать Т. Корнилова и С. Смирнов. Да, это был *переход* от привычных способов классического рационального объяснения к способам феноменологическим и экзистенциальным, но не сидение на двух стульях между понятиями причинности и закона и их фактическим отрицанием.

Но продолжим вопрошание, которое, на наш взгляд, одновременно является и проблематизацией психологического мышления.

- (Трактовка эксперимента как метода, позволяющего конституировать психологический феномен и одновременно выявить причинно-следственные отношения в психике). «Эксперимент предполагает активное вмешательство в изучаемые процессы и явления, при этом реализуется выполнение условий причинного вывода, сформировавшихся в естественно-научной исследовательской парадигме»¹⁵.

Или активное вмешательство или выполнение условий причинного вывода. Одно из двух. Да, в галилеевском эксперименте исследователь создает такие условия, в которых изучаемое природное явление начинает вести себя в соответствии с математической моделью, которую строит ученый, но все же при этом он *не вносит в изучаемое явление себя самого в форме реальных взаимодействий* (исключение – физика микромира)¹⁶. Напротив, в психологии взаимодействие экспериментатора и испытуемого образует саму суть эксперимента. Причинный же вывод всегда предполагает только первую ситуацию.

- (Признание того, что понимание причинности фактически исчерпало себя

¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶ Розин, В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация: учеб. пособие / В.М. Розин. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЕК, 2008. – С. 292–308.

¹⁴ Корнилова, Т.В., Смирнов, С.Д. Методологические основы ... / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. – С. 208–216.

с безуспешными попытками сохранить это представление). С одной стороны, авторы книги соглашаются с высказыванием М. Хайдеггера:

«Причинность теперь не имеет ни черт производящего повода, ни характера *causa efficiens*, ни характера *causa formalis*. По-видимому, вся причинность сплюсывается до добываемой сложными путями информации об одновременности или взаимоследовании устанавливаемых состояний» [1992, с. 231]¹⁷. (По сути, это означает отказ от классического понимания причинности.)

С другой стороны, на многих страницах книги Т. Корнилова и С. Смирнов отстаивают представление о причинности, заканчивая, правда, таким пассажем:

«Итак, идея тотального детерминизма исчезает даже в естественных науках, которые привлекают новые математические разработки для описания эволюции физических систем»¹⁸.

Мы уже отмечали, что авторы книги в методологическом отношении опираются на российских философов школы В. Степина. Особенно их привлекает предлагаемая им классификация этапов развития науки (естествознания) на классический, неклассический и постнеклассический¹⁹. И понятно почему. С одной стороны, Степин образцом науки считает естествознание, с другой – предлагает на основе системного подхода и синергетики так расширить и переосмыслить (обновить) понимание естествознания, чтобы в него можно было включить ценности, историю, культуру, и тем самым снять саму оппозицию естественных и гуманитарных (социальных) наук. Этот замысел очень подходит Т. Корниловой и С. Смирнову, позволяя, с одной стороны, настаивать на необходимости сохранения – именно на современном

этапе неклассического и постнеклассического этапа развития психологической науки – естественно-научной установки, с другой – проводить, так сказать, «либеральные когнитивные ценности» – т. е. признавать разные психологические школы и направления.

«Постепенно, – пишут они, – стираются жесткие границы между картинами реальности, выстраиваемыми различными науками, и появляются фрагменты целостной общенаучной картины мира. Новые возможности полидисциплинарных исследований позволяют делать их объектами сверхсложные уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Наиболее сложные и перспективные исследования имеют дело с исторически развивающимися системами... Саморазвивающиеся системы характеризуются синергетическими эффектами и принципиальной необратимостью процессов... Постнеклассическая наука – современная стадия в развитии научного знания, добавляющая к идеалам неклассической науки требования учета ценностно-целевых установок ученого и его личности в целом»²⁰.

Какая удобная позиция. Не надо менять характер и установки своего мышления, можно закрыть глаза на критику В. Дильтея и других философов и психологов, а в теоретические построения можно включать все, что угодно. Подобно тому, как это происходит в когнитивной психологии. Вот уж где царит ничем не управляемое мозаичное и эклектическое мышление. Полная свобода от логики и последовательной мысли.

Защищая естественно-научный подход в психологии, Т. Корнилова и С. Смирнов выстраивают три «вала» обороны: отстаивают концепцию причинности (детерминизма), категорию закон и понимание эксперимента как основного метода обоснования психологической теории. Фактически им

¹⁷ Корнилова, Т.В., Смирнов, С.Д. Методологические основы ... / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. – С. 106.

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ Там же. С. 41, 66.

²⁰ Там же. С. 66–67.

приходится защищать и психологическую концепцию деятельности, поскольку ряд российских психологов считают, что именно в ней указанные принципы были проведены наиболее последовательно. Чтобы обновить эту концепцию, вместо онтологического представления деятельности, которое подверглось массивной критике, вводится идея «деятельностного опосредования».

«Идея Выготского об использовании психологических орудий как пути культурного развития психических процессов была дополнена новой – о деятельностном опосредовании становления психического образа и сознания, о единстве структурного оформления предметной и психической деятельности»²¹.

Что значит опосредование? Означает ли это, что деятельность и психические процессы (образ, сознание и прочее) – это разные образования, причем первое выступает условием (предпосылкой) становления второго? Или деятельность все же – психическое образование, но что тогда имеется в виду под опосредованием? Другое соображение касается самой природы деятельности. В исходном замысле предполагалось как раз сочетание экзистенциальной, естественно-научной и гуманитарной позиций, единство действия и сознания, а не просто детерминизм. Вспомним известное высказывание С.Рубинштейна:

«Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определить, что он есть: направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только зиждется возможность педагогики»²².

²¹ Там же. С. 157.

²² Рубинштейн, С.А. Принципы творческой самодеятельности / С.А. Рубинштейн // Учен. зап.

На почве этого замысла произрастали как идеи «психологической деятельности», в рамках которой конфигурировались самые разные психологические реалии (мотивы, сознание, операции, действия и прочее), так и идеи «предметной деятельности». К сожалению, данные трансформации понятий и представлений почти не проанализированы и слабо осмысленны (исключением являются работы В.П. Зинченко и одного из авторов пособия).

Теперь вопрос о психическом законе, на котором держится как понятие психологической причинности, так, отчасти, и идея эксперимента.

«Представление о причинности, – пишут Т. Корнилова и С. Смирнов, – связываемое с теми или иными психологическими законами, обеспечивало общность закона для определенных областей психологической реальности, подпадающих под соответствующее объяснительное действие закона... в отечественной психологии постепенно утвердилось методологическое представление – об *уровневой представленности психологических законов* и парциальном характере (*не правда, ли звучит очень красиво!* – В. Р., А. А.) их действия (применительно к отдельной области психических явлений)... законы раскрывают разные аспекты психического и выявляют «существенные, устойчивые, необходимые связи в какой-то одной, определенной и ограниченной плоскости. То есть зависимость от причинно-действующих условий понимается здесь совсем в ином ключе – узости объясняемого круга явлений, установления границ сферы действия закона, а не отнесенности явления к типу»²³.

Но, господа, будем последовательны. Правильно, что Вы отступили от «обобщения на основе закона» к «установлению границ сферы действия закона». Но не при-

ски высшей школы г. Одессы. 1922. – Т. 2 // *Вопр. психологии.* – 1986. – № 4. – С. 106.

²³ Там же. С. 198–199.

ется ли вам отступать и дальше, поскольку именно в психологических экспериментах выясняется, что приходится учитывать все новые и новые неучтенные факторы, и граница психологического закона все больше сужается. Не лучше ли признать, что категория «закон» в психологии не действует? К тому же, или законы или культурно-историческая концепция, которую Вы так поднимаете. Еще, если вы пишете, что высшим уровнем интеграции мотивов деятельности «выступает самосознание личности», а «границей для общепсихологической теорией деятельности весьма вероятно станет проблема межчеловеческих отношений и тесно связанная с ней проблема творчества»²⁴, то опять в каком смысле сохраняется категория психологического закона? Кстати, если мы выносим за рамки закона межчеловеческие отношения и творчество, то что остается от психики, каким законам она тогда подчиняется?

Я не склонна подрывать традицию культурно-исторической психологии. Считаю работы А.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и их последователей высочайшим достижением психологической теоретической мысли и практики психологического исследования. Тем более на фоне современной ситуации в психологии, когда теоретическое обнищание соседствует и содействует «ползучему эмпиризму», культурно-историческая психология представляется чуть ли не золотым веком научной психологии, недостижимой вершиной. Поэтому для меня задача современного этапа формулируется как продолжение указанной традиции, серьезной психологической школы. Для этого необходимо осмыслить основные предпосылки теории высших психических функций, теории предметной деятельности и умственных действий, представления о структуре

²⁴ Там же. С. 180, 186.

действия и движения, а также методологию генетического метода и формирующего эксперимента и многое другое. Эти предпосылки сложнее, чем естественно-научный идеал рациональности, в них явно прослеживается психотехническая установка в исследовании и в понимании предмета психологии; деятельная позиция психолога в исследовании приближает последнее к гуманитарному типу познания и т.д. Эта тема обсуждается в книге Ф.Е. Василюка «Методологический анализ в психологии».

Теперь по поводу понимания авторами книги эксперимента. Т. Корнилова и С. Смирнов изо всех сил доказывают, что только бихевиористы трактовали эксперимент физикалистски (позитивистски), а, мол, остальные психологи «использовали экспериментальный метод с целями наиболее строгих психологических реконструкций ненаблюдаемой психологической реальности... Поэтому утверждение, что любая школа, использующая в своем арсенале экспериментальный метод, принимает естественно-научную парадигму, является в корне неверным»²⁵.

Непонятно, если уж Вы отстаиваете естественно-научный подход, то зачем стыдиться того, что и психологический эксперимент должен удовлетворять галилеевским принципам! А что это за странное выражение – «ненаблюдаемая психологическая реальность»? Где это Т. Корнилова и С. Смирнов видели «наблюдаемую психологическую реальность»? Не путают ли они в данном случае эмпирически наблюдаемый феномен с идеальными построениями науки, что для ученых такого уровня сверхстранно?

Но думаем, все же можно понять, почему появился такой монстр. Это следствие метода установления в эксперименте всяческих корреляций и описания перемен-

²⁵ Там же. С. 231.

ных. Современный российский психолог, заигнотизированный достижениями западной когнитивной психологии, принял на вооружение метод, позволяющий обойти вопрос о сущности психологических явлений. Он думает, что если установил в эксперименте определенные зависимости между переменными (факторами), то это и есть научное знание. А что там скрывается за этими корреляциями, какие психологические структуры и процессы, это вопрос от лукавого. Но поставим такой мыслительный эксперимент.

Предположим, что мы в эксперименте, которые так любит Т. Корнилова, установили *зависимость страшных снов от тревожности личности*. Означает ли это, что каждая тревожная личность видит страшные сны? Думаем, что нет. А что вообще отражает данная зависимость, в каких случаях она действует, а в каких нет? Можно ли, скажем, минимизировать страшные сновидения, работая с личностью, и с какими именно структурами личности в данном случае нужно работать? Эти вопросы, очень важные для психолога, можно продолжать, но ответы на них при том понимании эксперимента, который отстаивает Т. Корнилова, получить невозможно. Чтобы на них ответить, нужно начать изучать, с одной стороны, сновидения, с другой – личность. Тогда, например, станет понятным, что зависимость страшных снов от тревожности личности – это феномен, обусловленный массовой культурой и образом жизни современного человека, проводящего у телевизора перед сном несколько часов, а главное, мы поймем, какое действительно место занимают сновидения в структуре личности и какие в связи с этим встанут проблемы дальнейшего исследования²⁶. В том числе и с использованием экспери-

ментального метода, который в психологии играет важную роль.

Эксперименты, причем часто очень сложные и навороченные (статистика, математическое моделирование и прочее) выполняют у психологов другие функции: это или *особый метод исследования*, в условиях, когда психолог может останавливать, контролировать и поэтому моделировать поведение человека, или *способ выявления и описания психических феноменов*, наконец, это и *форма научного сопровождения*. Современные нормы требуют количественного представления результатов, статистических методов обработки, которые становятся как бы признаками научности психологической работы.

Как университетский психолог я защищаю научную психологию, но не хочу упрощать проблему, и поэтому подчеркиваю поисковый характер психологического знания. Идея создания психологии как науки и осуществления экспериментального исследования воплощалась столь разными способами, что свести их к какой-то одной универсальной логике и процедуре не представляется возможным.

Если посмотреть на психологические исследования «изнутри» ситуации, то можно увидеть и понять: многие психологические методы и методики представляют собой уникальные ситуации порождения психологического опыта, организации психических процессов. Например, эксперимент Дункера создает ситуацию, провоцирующую и организующую решение предложенной задачи в форме диалога с экспериментатором. Ассоциативный эксперимент требует другой трансформации внутреннего опыта и ставит перед испытуемым неожиданную задачу: отвечать первым пришедшим в голову словом, тем самым провоцируя хаотичность психической жизни, которая отсутствует при целенаправленном мышлении и целенаправленном

²⁶ Розин, В.М. Природа и изучение сновидений / В.М. Розин // Полигнозис. – 2009. – № 1. – С. 53–72.

действию. Примеры можно множить вплоть до анализа ситуации проведения Т-групп (групп встреч), в которых отсутствие цели у группы изначально разрушает предметное общение и деятельность, как и соответствующие данной деятельности коммуникативные навыки. Хочу подчеркнуть, что созданные и разработанные методики, приемы экспериментирования составляют золотой фонд психологической мысли и являются собой пример чрезвычайно творческих, иногда гениальных находок и изобретений.

Так, то разрушая предметность восприятия и в целом психической жизни, то моделируя фрагменты этой жизни, предлагая необычные задачи и ситуации, включая и выключая рефлексивные планы сознания, часто манипулируя мотивацией, действует психологический эксперимент. Творчество и искусство психологического эксперимента состоит в создании таких условий, при которых до некоторой степени разворачивается скрытая в обычном режиме сознания деятельность. В этом и сила и слабость эксперимента. Искусственность условий вызывает необычные режимы работы сознания и позволяет фиксировать психологические феномены. Но та же искусственность ставит вопрос: а не создаем ли мы сами эти феномены в данных условиях?

В обсуждаемом контексте важно отметить следующее: придуманные психологические ситуации исследования уникальны по своим возможностям преобразования психологического опыта. И за редким исключением они реально соответствуют логике того гипотетико-дедуктивного вывода, который предлагается в работах по планированию эксперимента. Они богаче, не столько проверяют гипотезы, сколько «ловят» феномены. Логика факторов и переменных, так популярная в современ-

ной психологии, едва ли отражает происходящее в ходе исследования. Неслучайно в последнее время в нашей психологии возобладало уже и не экспериментальное исследование (в смысле создания актуальных ситуаций), а изучение корреляций между переменными, а по существу между данными отдельных методик (преимущественно опросников). Работа по осмыслению психологического экспериментирования, логике психологического исследования еще не проведена. Остается под вопросом и проблема психологического закона: что из себя представляют сформулированные в психологии законы? Насколько единообразно понимается закон в разных типах исследования?

Большинство психологов уверены, что эксперимент дает возможность продемонстрировать следующее – их теоретические построения представляют собой настоящие модели психики. Но не путают ли они модели со схемами? Схема – это не модель. Изучение творчества Галилея показывает: сначала он, думая, что строит модель свободного падения тел, создал именно схему; это быстро доказали его оппоненты. Но затем, именно за счет эксперимента, Галилей превращает схему в модель, позволяющую рассчитывать и прогнозировать. Модели дают возможность *рассчитывать, прогнозировать и управлять*, а схемы – только *понимать феномены и организовать с ними деятельность*. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие задать феномен и разворачивать его изучение. А психологи считают, что модели (о схемах см. ²⁷).

Кстати, именно потому, что психологи создают схемы, психика в разных психологических школах может быть представлена по-разному, в разных схемах. Онтологиче-

²⁷ Розин, В.М. Образ и схема в контексте воображения и становления / В.М. Розин // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 30–39.

ское же основание такой множественности понятное: современная культура допускает разные типы социализации и самоорганизации человека. В результате и возможно, что некоторых психологов почему-то сильно возмущает: «человек по Фрейду», то есть находящийся в конфликте с культурой и сексуально озабоченный (разве таких мало в нашей культуре?), «человек по Роджерсу», ориентированный, как бы сказал Т. Шибутани, на согласие (таких еще больше), «человек по Гроффу», «рехнувшийся» на эзотерических представлениях (и таких в нашей культуре немало) и т. д.

«Противоречивый текст, – пишет Аллахвердов, – не допустим в науке, ибо из него можно вывести все, что угодно. Нельзя признавать одновременно верными теоретические конструкции, исходные положения которых противоречат друг другу. В частности, не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, когнитивизм и мн. др. Это не разные описания одних и тех же явлений, а принципиально ошибочные описания, в лучшем случае, за исключением какого-либо одного подхода»²⁸.

Это было бы правильным, если бы психология напоминала естественную науку. Никто не будет спорить, есть теории, созданные в рамках естественно-научного подхода (бихевиоризм, гештальтпсихология, теория деятельности, теория Курта Левина); они давно вошли в золотой фонд психологии. Наряду с ними существуют психологические теории (Дильтей, Франкл, Роджерс), ориентированные на идеал гуманитарной науки. Есть и теории, и они сегодня множатся как грибы после дождя, тесно связанные с психологическими практиками,

²⁸ Аллахвердов, В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии (На пути к методологическому манифесту петербургских психологов) / В.М. Аллахвердов // Психология. – 2005. – № 1. – С. 44.

самый известный пример – концепция З. Фрейда. Так вот, науковедческий анализ показывает, что все эти очень разные психологические теории не могут быть строго подведены под идеалы естественной науки, гуманитарной науки, технических наук. Здесь полезно различать реальную работу психологов и формы осознания психологами этой работы, так сказать, «концептуализации» в психологии. На наш взгляд, между ними в настоящее время большой разрыв (несоответствие).

Мы не отрицаем, что психологи стремятся реализовать в одних случаях естественно-научный подход, в другом – гуманитарный, в третьем – психотехнический или прагматический. Но получается у них совсем другое. Первоначально они создают схемы²⁹, с помощью которых описывают проявления интересующих их феноменов, пытаются ответить на вызовы времени (прогнозировать, понять, помочь, воздействовать в нужном направлении и пр.), реализуют себя, свои ценности и убеждения. Затем эти схемы объективируются, то есть *на их основе создаются идеальные*

²⁹ «Теория, – пишут З. Хьелл и Д. Зиглер, – это система взаимосвязанных идей, построений и принципов, имеющая своей целью объяснение определенных наблюдений над реальностью. Теория по своей сути всегда умозрительна и поэтому, строго говоря, не может быть «правильной» или «неправильной»... Теория личности является *объяснительной* в том смысле, что она представляет поведение как определенным образом организованное, благодаря чему оно становится понятным. Другими словами, теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (*очевидно, психоанализа З. Фрейда*. – В. Р.) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (З. Хьелл и Д. Зиглер. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. – М.; – Харьков; Минск, 1997, с. 26).

объекты, которые относятся к той или иной *психологической онтологии* (деятельности, бессознательному, установке и др.).

В результате – новая теория или знание, но вовсе не естественно-научные или гуманитарные, или психотехнические. Больше теоретические построения психологов напоминают античную науку, теории которой не требовали экспериментов и математизации, они были нацелены на построение непротиворечивых знаний и решение ряда культурных и личных проблем³⁰. Однако и под античную науку психологию трудно подвести, поскольку психологи при построении своих теорий сознательно пытаются провести идеалы естествознания, гуманитарной или социальной науки. Нужно еще думать, как назвать такой тип научного знания. Для него характерны установки на эмпирическое научное изучение, сочетание естественного и искусственного подходов, особые отношения с практикой.

Главная тема у Корниловой, и главная проблема для научной психологии – это проблема эмпирического метода исследования. Психологические практики, а также такие направления и теории, которые вырастают из практик, не создают процедур исследования. В этом состоит основная критика авторов пособия. И она во многом справедлива. Дилемма такова: или мы можем предложить новые методы, или способы, или процедуры исследования, или тема исследования вообще закрывается. Естественно, мы выбираем первую альтернативу. В этом случае психологическое знание и наука могут строиться как «диспозитивная дисциплина», ориентированная, с одной стороны, на объяснение наблюдаемых и создаваемых в психологических экспериментах фактов, с другой – на разрешение

³⁰ См. подробнее: *Розин, В.М.* Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация: учеб. пособие / В.М. Розин. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЕК, 2008. – 600 с. (главы 3 и 4).

проблем и вызовов времени, стоящих по поводу человека (и отдельного и принадлежащего той или иной культуре или обществу), с третьей стороны, реализующая гуманитарную и конструктивистскую стратегию познания³¹.

Вернемся теперь к проблеме отделения от психологии практики. Парадоксальная ситуация, сложившаяся в психологии, нуждается в специальном осмыслении. Навряд ли она может быть принята как нормальная, учитывая фундаментальный для отечественной психологии принцип ориентации на практику. Тезис Л.С. Выготского о краеугольном значении практики для построения психологии как науки остается по-прежнему актуальным. Понимание общей психологии как философии практики звучит как никогда современно, и, возможно, реализация данной программы позволит преодолеть возникший кризис. Выскажем лишь некоторые соображения об отношении теории к психологической практике.

Здесь, на наш взгляд, нужно различать три случая. Во-первых, психологические практики, разворачивающиеся на основе определенной одной психологической теории (своего рода «прикладная психология»). Во-вторых, самостоятельные психологические практики, в рамках которых создаются теории, ориентированные на данную практику (об этом много пишет Ф. Василюк). В этих последних (третий случай) можно выделить многочисленные современные психологические практики, где одновременно используются представления нескольких психологических теорий, а также знания философии, антропологии, опыт жизни и т.п. Так вот отделяются от психологии (и то больше в дискурсах их идеологов) практики, которые мы отнесли к третьему случаю.

³¹ *Розин, В.М.* Традиционная и современная философия / В.М. Розин. – М., 2010. – С. 291–296.

Сложный комплекс знаний и техник, который используется в реальной практике, с трудом поддается рефлексии. Тем интереснее описание процесса своей работы практикующими психотерапевтами. Так, П. Волков анализирует работу с пациентом, страдающим навязчивостью:

«Мы стали, – пишет Волков, – раздумывать о первоосновах бытия. Обратившись к дзенбуддизму, пациент несколько раз испытал чудесное, в словах малоописуемое состояние интуитивного проникновения в сущность бытия. Ему стало ясно, что в своем символично-магическом отношении к бытию он проходил мимо этих первооснов, что его склонность к Вере вырождалась в суеверие. Такая философски-аналитическая прояснительная работа и оказалась психотерапевтически целебной. В новом состоянии сознания, в новом мировоззрении, к которому пациент бессознательно тянулся и которое искал, уже легко было отказаться от символично-магических ритуальных заклинаний, как им противопоставлялось отношение глубинно-проникновенного доверия к жизненным первоосновам. В итоге пациент нашел в себе духовную решимость отставить а сторону ритуалы. Вместо них в душе жило другое, более подлинное, глубокое, сложное и проникновенное религиозное отношение. Ощущая свою свободу от навязчивостей, он испытывал радость избавления от пуг, радость, что оказался способным к духовному освободительному повороту, и это только усиливало новое состояние сознания... Тревожность, как психофизиологическая особенность пациента, осталась, но теперь она будет побуждать его не к навязчивостям, а к философическому чтению, медитативным занятиям, религиозному поиску, а это ему глубоко созвучно и не вызывает ощущения патологичности, а, напротив, просветляет и укрепляет»³².

³² Волков, П.В. Навязчивости и «падшая вера» / П.В. Волков // Моск. психотерапевт. жур. – 1992. – № 1. – С. 68–70.

Как мы видим, П. Волков прибегает не только к психологическим, но и к философским представлениям; его дискурс включает в себя и ряд других знаний, например, из семиотики и аксиологии, наконец, просто житейские представления, определяемые его личным жизненным опытом, прочитанной Волковым литературой, возможно, его окружением. С этой точки зрения психологическая помощь в варианте Волкова, как, кстати, и В. Франкла, действительно обращена не к психике, а к душе или личности человека, к человеку в целом. И весьма существенны поэтому, как пишет Волков, требования «целостного изменения, затрагивающего всю душу», «изменения мировоззрения и мироощущения».

Стоит обратить внимание, что психотерапевт, ориентированный на гуманитарный подход, работает одновременно на двух уровнях. Первый задается психологическими теориями и схемами, на основе которых психотерапевт вычленяет свой объект, осмысляет терапевтическую ситуацию, намечает стратегию работы с пациентом, корректирует свои действия и прочее. Второй уровень представляет собой недетерминированное психологической теорией и схемами общение психотерапевта со своим пациентом.

Конечно, психологи, работающие подобным образом, могут самоопределяться по-разному: в одном случае именно как психологи (психотерапевты), в другом (и для этого у них есть основание) – просто как практики от «человековедения»³³.

³³ Безусловно, понятия психологической науки и понятие психологической практики нуждаются в дальнейшем обсуждении. Нашей целью было стимулировать новый цикл дискуссий по поводу этих реалий, которые, конечно же, рассматривались в российской психологии многими исследователями.

Я согласна с тем, что реальная психологическая практика значительно превосходит заложенные в ней теоретические представления. Именно поэтому обучение практике абсолютно невозможно по книгам (что, честно говоря, сейчас распространено, когда, например, люди с филологическим или философским образованием объявляют себя психотерапевтами). Практику передают из рук в руки, при этом учат и пониманию теории практики в действительности. Конечно конкретная работа никогда не ограничивается воплощением какой-то одной конкретной теории, так как практика имеет дело с человеком целиком. И тогда возникает еще один вопрос: о специфике знаний и навыков, которые использует в практической работе психолог.

Мне представляется, что эта специфика и привела к возникновению психологической практики, не совпадающей с научной, академической психологией. Практическое знание, практическая теория должна обладать действенной силой. Теории научной психологии этой действенной силой непосредственно не обладают. Приведу пример. Представьте на секунду, что в психологической консультации на приеме мы будем пользоваться языком теории деятельности. Я думаю, что основное время консультации уйдет на объяснение того, что же вы имеете в виду, что такое деятельность или мотивы деятельности. Сравните с психоаналитической теорией: Эдипов комплекс, ранняя травма, страх удовольствия и др. Каждое понятие заставляет содрогаться, оно волнует и будоражит сознание – при всей фантастичности этих представлений, а может быть, именно благодаря этой фантастичности.

Понятия в психотерапевтических теориях сами порождают смыслы: смысл симптома, смысл проблемы, смысл конфликта, смысл тревоги и т.п. Придумать, открыть

такую «теорию» – это особая работа и проявление особого таланта.

Что же получается? Научная психология не может принять мифологичность, недоказуемость психопрактических теорий и категорий, а психопрактика критикует академическую, строгую психологию за бесплодность. Соединение и пересечение этих направлений возможно только при расписании наших представлений о научности, при вписывании психологических категорий и подходов в гуманитарный контекст и осознании психотехнической, конструируемой природы психологической реальности как реальности предмета психологии.

Как же в целом можно охарактеризовать книгу Т. Корниловой и С. Смирнова? Повторим еще раз: авторы поднимают и обсуждают жизненно важные проблемы современной психологии. В этом отношении «Методологические основы психологии» двух авторов – настоящий прорыв. В то же время, как мы старались показать, книга Т. Корниловой и С. Смирнова зовет нас назад, к уже во многом преодоленному и изжившему себя этапу развития психологии. К сожалению, авторы демонстрируют и не лучший стиль научного мышления: непоследовательность мысли и опирающаяся на якобы современную научную методологию (определенные концепции философии науки, принципы синергетики и когнитивной науки) попытка отстоять естественно-научный подход.

Литература

Аллахвердов, В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии (На пути к методологическому манифесту петербургских психологов) / В.М. Аллахвердов // Психология. – 2005. – № 1. – С. 44–65.

Аршинов, В.И. Роль синергетики в формировании новой картины мира / В.И. Аршинов,

В.Г. Буданов // Вызов познанию: стратегия развития науки в современном мире. – М., 2004. – С. 374–394.

Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М., 1979. – 424 с.

Волков, П.В. Навязчивости и «падшая вера» / П.В. Волков // Москов. психотерапевт. журн. – 1992. – № 1. – С. 65–74.

Зейгарник, Б.В. Об эксперименте в школе Курта Левина / Б.В. Зейгарник // Вест. МГУ. Сер. 14. Психология. – 1987. – С. 47–56.

Киященко, А. Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании / А. Киященко, П. Тищенко // Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М., 2004. – С. 501–525.

Корнилова, Т.В. Методологические основы психологии / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.

Розин, В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация: учеб. пособие / В.М. Розин. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЕК, 2008. – 600 с.

Розин, В.М. Природа и изучение сновидений / В.М. Розин // Полигнозис. – 2009. – № 1. – С. 53–72.

Розин, В.М. Образ и схема в контексте воображения и становления / В.М. Розин // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 30–39.

Розин, В.М. Традиционная и современная философия / В.М. Розин. – М., 2010. – С. 400.

Рубинштейн, С.А. Принцип творческой самодетальности / С.А. Рубинштейн // Учен. зап. высш. шк. г. Одессы. – 1922. – Т. 2.

Рубинштейн, С.А. Принцип творческой самодетальности / С.А. Рубинштейн // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 105–119.

Степин, В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М., 2000. – 743 с.

Хьелл, З. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / З. Хьелл, Д. Зиглер. – М.; Харьков; Минск, 1997. – С. 607.